

андрей гусаров

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДВОРЫ

необычные
дворы
—
курдонеры
—
дворы-колодцы
—
проходные дворы

Андрей Юрьевич Гусаров
Петербургские дворы.
Необычные дворы,
курдонеры, дворы-
колодцы, проходные дворы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11614318

Петербургские дворы. Необычные дворы, курдонеры, дворы-колодцы, проходные дворы. / Гусаров Андрей: Центрполиграф; Москва; 2015

ISBN 978-5-227-05892-8

Аннотация

Автор предлагает взглянуть на городские пространства Санкт-Петербурга в неожиданном ракурсе – не с привычной стороны торжественных фасадов, а «с изнанки» – со стороны дворовых территорий. Вы узнаете немало любопытного о типах петербургских дворов: парадных дворах-курдонерах, проходных дворах, дворах-колодцах, о том, как постепенно менялось отношение к обустройству территорий, примыкающих к жилью человека, в условиях растущего города. Несомненный интерес представляют и сведения об отношении человека к придомовым участкам в разные эпохи и на разных континентах, а также «дворовые» литературные адреса.

Содержание

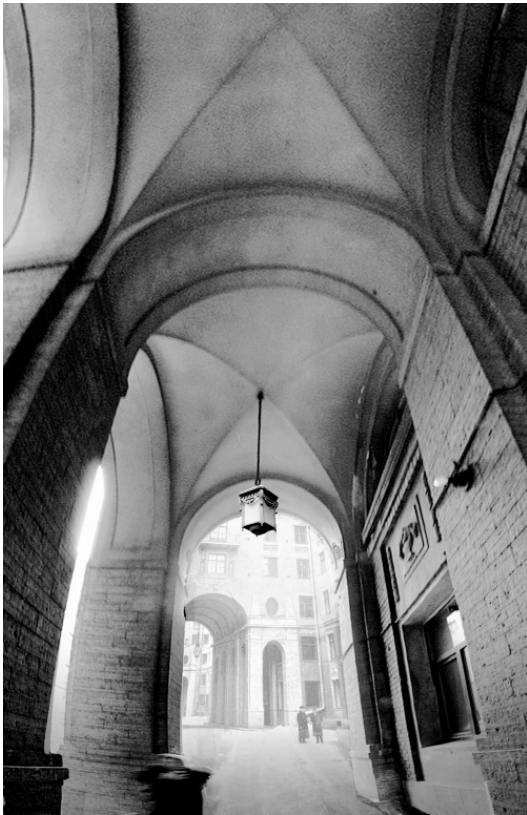
Введение	6
Часть I	27
Глава 1	27
Глава 2	34
Глава 3	41
Глава 4	45
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Гусаров
Петербургские дворы.

Необычные дворы,

курдонеры, дворы-

колодцы, проходные дворы

Необычные дворы,
Курдонеры,
Дворы-колодцы,
Проходные дворы

Введение

Из истории дворов

История дворов – участков земли, огороженных и непосредственно примыкающих к тому или иному зданию, началась задолго до появления на карте города Санкт-Петербурга. Довольно долгое время указанное пространство располагалось за домом или внутри него, причем неважно, было ли это жилище крестьянина или общественное здание в городе. Парадный двор, или курдонер, – территория, примыкающая к главному фасаду здания, выходящего на улицу, изобретение уже XVII века. Постройки ограничивали курдонер с трех сторон, а от улицы его, обычно, отделяла ограда. Бывало, что парадный двор зодчие устраивали и позади главного здания, а то и сбоку его.

Время мало что изменило в форме и в назначении участка рядом с жилым домом – как и тысячелетия назад, современная дворовая территория либо расположена внутри многоэтажного здания или ряда зданий (комплекса), либо примыкает к частному дому со стороны противоположной улице. И в первом, и во втором случае речь идет о непарадной стороне жизни обитателей дома, ведь не зря же во дворах центра Санкт-Петербурга ставят мусорные баки, а владельцы частных домов отдыхают во дворе за домом вдали от посторонних взглядов.

Как же шло развитие этого важного архитектурно-строительного понятия?

Конечно, исторически, двор появился при жилище человека очень быстро, и только с развитием городов и становлением общественных институтов придомовая территория или двор приобретают свойство важного составляющего элемента общественных строений, в частности дворцов правителей древних государств. Архитекторы тех далеких лет активно переносили приемы планировки небольших жилых домов к грандиозным общегородским сооружениям.

Уже в древнем мире сформировалось два типа жилища: условно-европейский и условно-азиатский. Запомним, что оба этих понятия сильно обобщают мировые тенденции в строительстве. К первому типу относились постройки, занимавшие центр двора, второму типу соответствовали дома, сооруженные по периметру дворовой территории (двор рас-

полагался внутри здания). По крайней мере, к V–IV векам до н. э. оба типа жилых построек (частных домов) окончательно сформировались. Здесь мы можем легко проследить преемственность нынешней архитектуры – современные коттеджи относятся к европейскому типу жилищ, тогда как дома с дворами-колодцами можно отнести к азиатской модели. Более того, в определенный момент именно двор сыграл важную роль в формировании архитектуры общественных зданий. А произошло вот что. Используя европейский тип жилого дома, зодчие (греки и римляне) строили храмы, а на основе азиатского типа – Колизеи и театры. Так в мире перемешивались новые идеи в строительстве.

Человечество довольно быстро определилось с важностью придомовой территории – двор играл значительную роль в жизни семей. И здесь нам нужно обратить внимание на древние государства Ближнего Востока, Индию и Китай.

Древний Египет дал миру не только грандиозные общественные постройки (пирамиды, дворцы), но и тип жилища, названный позднее азиатским. Жаркий и сухой климат, отсутствие лесов заставляли египтян строить жилые дома и хозяйственные постройки из глины или кирпича вокруг двора, центром которого часто служил колодец. Часть незастроенной территории от внешнего мира отделяла высокая глухая каменная стена-ограда, хотя и в самом доме окна были обращены, обычно, во двор. Чем богаче был владелец дома, тем больше внутренних дворов он имел: двор-сад, двор с бассей-

ном и фонтанами, хозяйственный двор и так далее – количество измерялось толщиной кошелька. Двор выступал важнейшей частью усадьбы.

Основы дворов и жилых построек азиатского типа дал нам Древний Египет, причем речь идет именно о частном жилье – общественные здания в силу разных причин не использовали долгое время эти архитектурные приемы.

В это же время (III век до н. э.) идет активное строительство городов в других странах – соседях Египта. В Месопотамии появляются огромные городские кварталы с узкими (3-метровыми) улицами, сплошь застроенными домами, центром которых выступает внутренний дворик. В большинстве домов окна выходили во двор, входной двери в таком жилище не было вовсе – ее заменяли циновки. В Месопотамии все чаще возводят храмовые комплексы с большим внутренним двором – увеличенный вариант жилого дома. Стены такого храма имели богатую облицовку глазурованной керамической плиткой и цветной мозаикой. Кроме этого, сами стены имели декоративное убранство в виде выступов и надстроек.

В Месопотамии внутренний дворик всегда являлся важной частью жилого комплекса и со временем послужил основой для нового типа внутривортовой постройки – лоджии, которую пристраивали к дому со стороны двора, причем со всех четырех сторон. На лоджии хорошо было проводить время в жаркие летние дни.

Сад в Месопотамии. Барельеф

Из Месопотамии традицию строить лоджии переняла Персия и страны персидской культуры. Мода на лоджии сказалась и на строительстве общественных зданий. Дворец Сасанидов в Фирузабаде (III в.) состоял из залов для официальных приемов и жилой части, обращенной к внутреннему дворику. Дворец не просто украшали лоджии, выходящие во двор – тронный зал персидские зодчие решили в виде глубокой, перекрытой сводом лоджии. Лоджию на главном фасаде дворца превратили в монументальный портал – парадный вход в здание.

Из Персии и далее в Среднюю Азию уверенно продвигаются новые типы общественных зданий, выстраиваемых вокруг внутреннего двора. К таким постройкам относились не

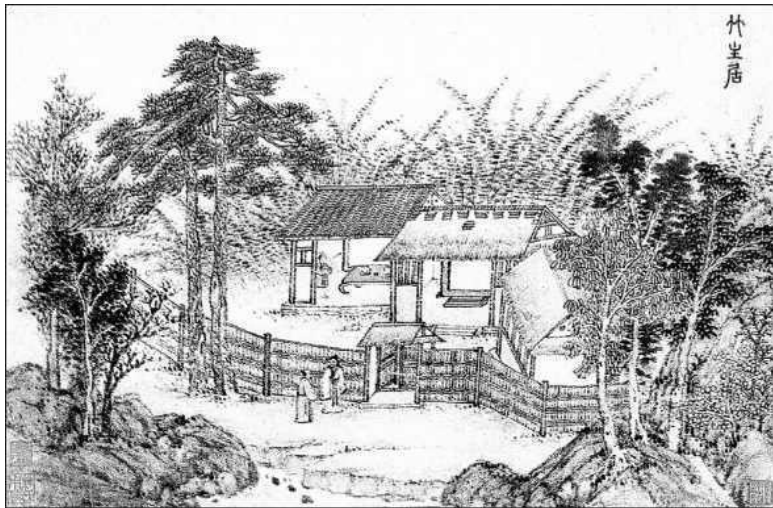
только дворец правителя, но и медресе (учебное заведение) и караван-сарай (постоялый двор).

Схожие тенденции наблюдались и в развитии арабской архитектуры жилых домов и общественных зданий. Удивительно, но жилье в современных деревнях Алжира, Туниса, стран Аравийского полуострова или Марокко мало чем отличаются от домов X–XII веков – и сейчас в этих странах можно видеть небольшие усадьбы с домами без окон по фасадам и с внутренним двориком, закрытым от посторонних глаз высокими стенами.

Двор старейшего в мире медресе Аль-Каруин. Марокко

Несколько иной была история двора в Индии, Китае и странах Азии, где обилие дерева, используемого при возведении домов, сильно влияло на архитектуру построек. Правда, на территории Индии в IV–III тысячелетии до н. э., то есть в доарийскую эпоху, существовало несколько больших городов с прямыми широкими улицами, застроенных домами из формованного кирпича. Частные жилые постройки здесь небольшие, но весьма удобные. Как и другие дома Индийской империи, они отгорожены со стороны улицы высокой стеной, дарующей полное уединение! Просторный коридор в таком доме всегда ведет во внутренний дворик – он соединяет все комнаты в доме, делая их приятно прохладными. Во дворе расположен колодец, а в доме обязателен бассейн, где индусы совершали омовения несколько раз в день. Внутренние дворы стали со временем настолько популярными, что даже в пещерных храмах строители выдалбливали в скале залы, имитирующие дворики.

Китайский дом. С картины китайского художника

После завоевания империи племенами арийцев ситуация меняется кардинально – кирпичные дома уступают место лагугам из дерева. Отметим, что в местах сооружения деревянных жилищ, а это большая часть Индии, Китая и юго-западной Азии, внутренних дворики не сооружаются. Жилища стоят отдельно друг от друга и фактически лишены дворов – здесь особо популярна терраса, опоясывающая строение. На севере Китая мы вновь можем видеть азиатский тип дома – помещения жилища обращены в сторону внутреннего двора.

В Поднебесной архитектурные теории геометрически

правильных пропорций, регулярность и симметрия достигают наивысшего развития. Любое строение Древнего Китая, от дома до дворца императора, подчинены центрально-осевой планировке. С формированием каркасного типа построек в Китае и, кстати в Японии тоже, внутренние дворы вновь исчезают из повседневного обихода зодчих. Основой придомовой территории становится сад.

Античный мир познает новый тип жилища – отдельно стоящее прямоугольное здание с двускатной крышей, или мегарон. Строительные нормы, заложенные еще в Персии, подхватывают зодчие Микен и Крита. В этих государствах мегарон послужил основой для проектирования общественных зданий: дворцов, храмов, акрополей и усыпальниц. На Крите появляется, а вернее, получает дальнейшее развитие такое понятие, как световой дворик, сооружаемый для улучшения инсоляции залов, переходов и других помещений дворца критского царя.

Своего расцвета гражданская и частная архитектура получила в Древней Греции и Римской империи. В эпоху эллинизма городской дом грека полностью повторял жилище египтянина или месопотамца: глухие наружные стены, внутренний двор с открытыми галереями и фонтаном. Рим перенял этот тип жилища, с одним исключением – крыша дома имела наклон в сторону двора, что способствовало сбору дождевой воды через отверстие, названное комплювий, в бассейн, именуемый римлянами имплювий, и расположен-

ный в этой части усадьбы.

Перистиль Дома Веттиев. Помпеи. Италия

В Риме впервые появляются многоквартирные городские дома в несколько этажей, разделенные на маленькие комнаты для сдачи в наем. Тип такого дома получил название «инсула», а время появления относится к III веку до н. э. Напомним, что особняк на одного владельца итальянцы называли домус, и определение это перешло в русский язык, правда, с более широким значением. Совсем необязательно, чтобы в инсулах существовал внутренний двор – строения различались в разных городах Итальянского полуострова. Хорошо

изучена история многоэтажных домов в городе Остия, где существовали инсулы с внутренними дворами, куда даже выходили окна части квартир.

Такие постройки здесь преобладали в большом количестве. Довольно часто внутренний двор служил хозяйственным нуждам дома – здесь размещался фонтан или цистерна с водой.

В условиях быстрого роста населения частный дом с внутренним двориком становится уделом состоятельного римлянина. Примером этому служат Помпеи с сохранившимися постройками I века до н. э. – I века н. э. Здесь в основе жилых строений (городских особняков) лежит центрально-осевая композиция – парадный вход, вестибюль, зал с имплювием и двор расположены на одной линии. Подобная черед парадных помещений характерна для большинства частных домов того периода на Итальянском полуострове. В античном мире впервые появляется перистиль – внутренний двор, окруженный колоннадой.

Отметим, что в архитектуре более поздних периодов нет прямого заимствования от предыдущих эпох – каждая страна по-своему осмысляла наследие предков, в том числе и архитектурное прошлое других народов, используя лучшее, что предлагало зодческое наследие.

Новым этапом в развитии дворовой территории стали два периода – средневековье и ренессанс. В Европе IX–XII веков повсеместно строятся замки и укрепленные крепостны-

ми стенами города. Крепости феодалов теряют свои дворы – все свободное пространство в целях оптимального использования участка земли застраивается жильем, храмами и хозяйственными постройками. Ту же тенденцию мы наблюдаем и в европейских городах – каждый участок земли застраивается максимально плотно. Хотя внутри многих замков и на территории монастырей, походивших на крепости, дворы остаются – нужно же куда-то привозить продовольствие и товары. К сожалению, архитектура этого периода утрачена к настоящему времени – то, что мы имеем сейчас, построено в более поздние времена – после XII столетия. В это время, вернее чуть раньше, в архитектуре появляется романский стиль, сформированный византийскими зодчими. Романский стиль плавно переходит в готику.

Отметим, что наиболее ярко указанные архитектурные стили проявились в строительстве храмов, не имевших придомовой территории – она просто не нужна, часто перед храмом располагалась площадь. Но со временем приемы, характерные для готики или романского стиля общественных зданий, переходят и на архитектуру частных домов, особенно в части отделки последних. С наступлением эпохи Возрождения внутренние дворы появляются и в жилых зданиях, и в общественных постройках. Возвращение к античности, а вернее переработка греческого и римского наследств благотворно повлияла на всю европейскую архитектуру. Двор, как элемент средневекового монастыря, появляется при строи-

тельстве больниц, приютов и учебных заведений. В странах юга Европы возникает такое понятие, как патио – открытый внутренний двор жилого дома, ограниченный постройками, изгородью или насаждениями.

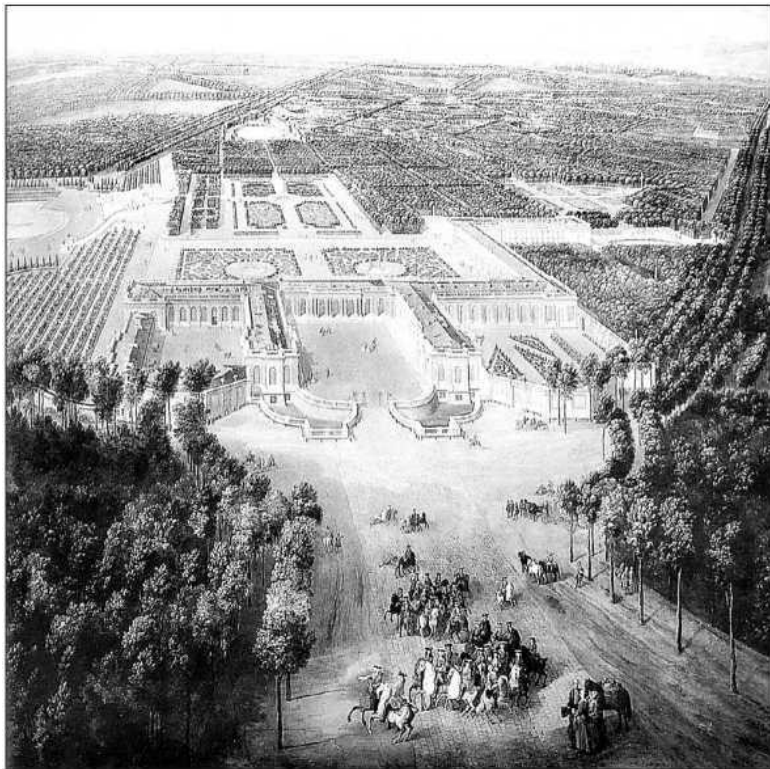
Патио является логическим следствием видоизмененного античного перистиля и хорошо приживается, например в Испании. Развитием и усовершенствованием патио стал атриум – световой двор, перекрытый кровлей, завершаемой световым фонарем или проемом в кровле.

С наступлением времени барокко и рококо появляется и такое понятие, как курдонер, что в переводе с французского означает «почетный двор». Такой двор в основном располагался перед зданием, хотя мог быть и позади строения – все зависело от общей композиции постройки. Одним из первых идею постройки дворца с курдонером воплотил архитектор Жюль Ардуэн-Мансар, построивший в 1687 году Большой Трианон на территории Версальского парка. Другой знаменитый французский зодчий Луи Лево создал грандиозный парадный двор перед Лувром в Париже, а архитектор Жак Лемерсье – перед дворцом «Пале-Рояль».

Галерея Большого Трианона. 1687 год

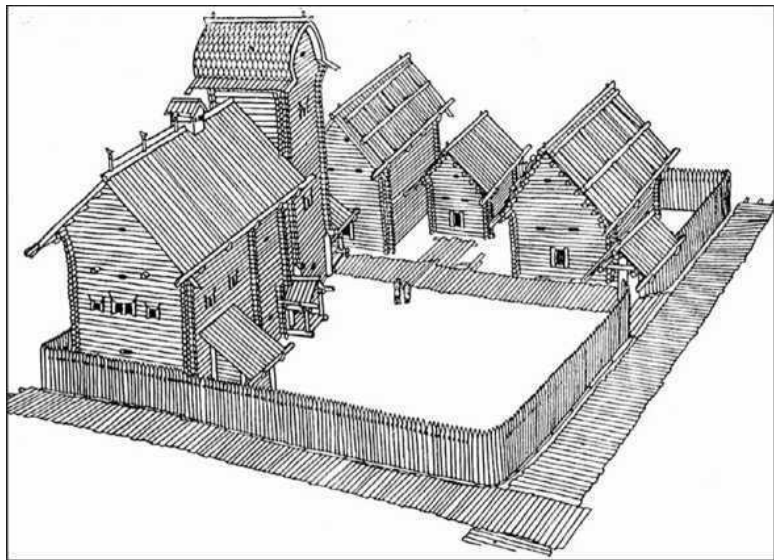
Интересно, что король Людовик XIV считается автором большинства архитектурных решений Большого Трианона и, в частности, его курдонера и перистиля. И в нашей стране монархи любили управлять архитекторами, вспомним того же императора Павла I. Дальнейшее развитие европейских придомовых территорий мы проследим на истории строительства Санкт-Петербурга.

Ж.-Б. Мартена. Большой Трианон. 1724 год

История дворов в деревнях и селах мало менялась на протяжении столетий. Изначально, дома славян совмещали жилье и хозяйственную постройку, а жилище было однокамерным. Двор в таком случае мог отсутствовать вовсе. Со временем частные дома усложнялись и к ним пристраивались до-

полнительные помещения. Свои особенности были и в разных городах. Так, в Великом Новгороде территория усадьбы, как правило, огораживалась деревянным забором, а жилой дом и другие постройки стояли в глубине участка – перед ними находился красный (парадный) двор. Такое расположение характерно только для новгородских посадов X–XII столетий. Свои особенности наблюдались и на юге, например в Киеве.

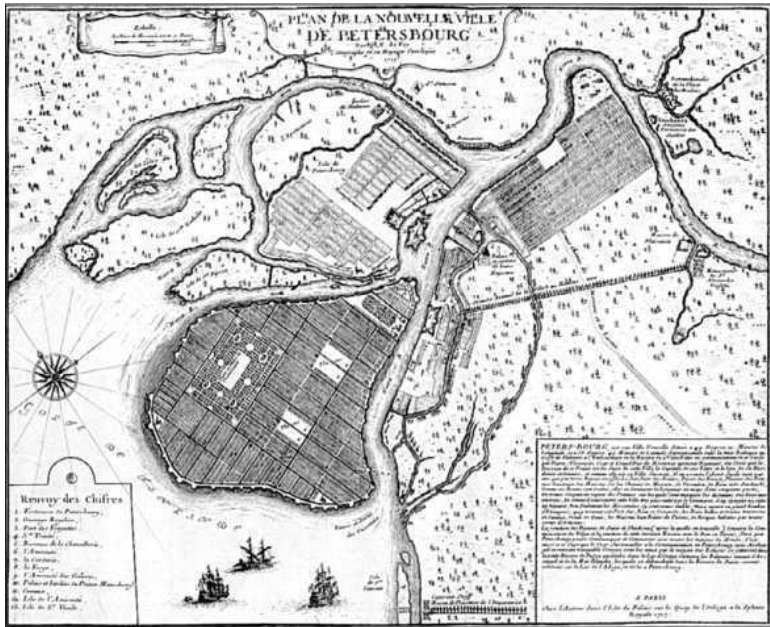

Реконструкция новгородской усадьбы (Г.В. Борисевич)

С XVIII века ситуация меняется и появляется тип кре-

стьянского (загородного) жилья близкий к современному: придомовая территория находится позади крестьянской избы и ограничивается хозяйственными постройками.

Для русских крепостей и монастырей характерно было наличие большого внутреннего двора, часть из которого застраивалась необходимыми зданиями и сооружениями. Жилые дома городских посадов мало чем отличались от деревенских построек, и, соответственно, дворы располагались в скрытой от улицы части усадьбы, а само здание было развернуто в сторону двора. Получался полуазиатский тип жилища – отсутствовала полная замкнутость внутреннего дворика.

Карта Санкт-Петербурга Н. де Фера. 1717 год

Имперский период в жизни России характеризуется некоторыми изменениями в городском строительстве – в нашей стране появляются города нового европейского типа. Застройка прямых улиц ведется вдоль тротуара, дома расположены главным фасадом на улице, а отступ от красной линии запрещен. В условиях роста населения и относительной дороговизны земли дома возводятся впритык друг к другу (блокированная застройка). Появляются в столице и до-

ма-дворцы с курдонером. Во второй половине XVIII столетия новые градостроительные теории проникают в провинцию – повсеместно идет реконструкция старых русских городов.

Двор-колодец

С появлением сплошной застройки петербургских улиц в обиход горожан входят такие понятия, как «двор-колодец», «проходной двор» и «подворотня», а также «дворник», «дворняжка», «дворницкая» и некоторые другие. Новые доходные дома строили в то время так, что незанятым оста-

вался только центр участка – при подобной застройке владелец дома получал максимальное количество квартир разного уровня комфорта для сдачи в наем. Конечно, зодчие старались вывести во двор окна подсобных помещений, кухня и соответствующие квартирам черные выходы, но это удавалось не всегда. Частенько, во флигель дома можно было попасть только со двора, и это был единственный вход в расположенное там жилье. Есть в Санкт-Петербурге и световые дворы-колодцы, в которые выход или проход отсутствуют вовсе, но таких очень мало.

Некоторые города нашей страны могут похвастаться своей историей дворовой жизни. Не одно поколение выросло в московских двориках, во дворах Одессы, Тбилиси и Баку, старых двориках провинциальных городков центра России. Да, это так. Но, пожалуй, только Санкт-Петербург сумел до сегодняшнего дня сохранить особую атмосферу городского двора-колодца, философию северного каменного города, и передать будущим поколениям индивидуальное прошлое каждого петербургского двора.

Часть I

Городское пространство

Глава 1

Санкт-Петербург. Образ города

Пространство города всегда индивидуально. Неповторимы его рельеф, повороты реки или рек, изгиб морской береговой линии, если мегаполис стоит у моря. Городская архитектура несет в себе неповторимый отпечаток истории и

судьбы, присущих именно этому городу.

Многие путешественники отмечают сходство Санкт-Петербурга с некоторыми европейскими городами. И это – правда, хотя с большой оговоркой: архитектурная близость лишь подчеркивает родство Санкт-Петербурга с Европой, но не более того! Без европейской мысли, европейского образования и европейских рук не было бы дивного Петрополиса. Здесь европейская архитектурная (и всякая) мысль обрела новое значение в русском обрамлении.

Кризис Московской Руси, в том числе и архитектурный, Петр преодолел на берегах Невы. Начав с внедрения вычурного западного стиля (это можно отнести ко всем сторонам русской жизни начала XVIII столетия), власть, построенная Петром, резко подняла знамя Империи, и спустя сто лет столица стала не просто ее символом, а эталоном классического стиля, проникавшего во все аспекты бытия России.

В основе появления Санкт-Петербурга лежит миф – возможность строительства огромного город на Севере, на болотах, в окружении враждебного населения даже сейчас, кажется утопией. Это тонко передает архитектура петровского времени, да и вообще все петербургское зодчество XVIII столетия. Посмотрите, какое обилие римских и греческих богов, словно декорации появляющихся то на новом здании, то на фонтане или на триумфальных воротах. Европейская культура внедряется в России своими архетипами, не меняя страну, но удачно соседствуя, например с правосла-

вием. Даже закладка Петропавловской крепости, строительство Троицкой церкви и домика Петра довольно быстро превратились в сказочный миф с парящим над государем орлом, знаками свыше и прозорливостью самого государя. Петербург как бы продолжает общемировое (западное) мифостроительство: от Древней Греции и Рима, через германских императоров, европейские баталии к новому городу – будущей столице мира. Петербург словно вырастает в общее европейское историческое дерево, как неотъемлемая, пусть и новая, его часть.

Кажущаяся утопичность петровских деяний вылилась в строительство огромной Империи, в которой Петербург занимал центральное место столицы, своеобразного города-эталона для остальных частей государства. В XIX веке Петербург стал символом обновленной России, главной витриной, главным портом, городом всех религий мира и тысяч народов. Русский Рим в имперском смысле этого слова. В определенной мере Санкт-Петербург сделался идеальным городом – в этом и была мечта Петра I.

Полис, возникший по повелению одного (!) человека, стал в итоге местом утверждения конкретных личностей. Здесь жили индивидуумы: от архитекторов до политиков, военных, ученых и литераторов. Да и сам Петербург – не хор, он – сольное выступление. Город с первых минут жизни позволял солировать. Сырая болотистая петербургская земля повторствовала одиночкам, но одиночкам гениальным.

Типичный световой двор

Прямые улицы-лучи, мосты, ведущие в центр столицы, всегда подчеркивали имперское единство Санкт-Петербурга, а его дворцы и ансамбли составляли естественную основу городской среды. Город превращался в произведение искусства. Даже рядовая застройка улиц города неповторима – каждый фасад, двор, решетка или зонтик становились здесь шедеврами. Реальность город отдал окраинам и, что нужно особо подчеркнуть, – петербургским дворам.

Фасад доходного дома с барочными завитушками или рядами классических колонн – это парадный облик, выставка, сказка. Двор-колодец – трудная борьба за жизнь с сыростью, холодом каменных стен, несправедливостью жестокого Севера. Двор сразу стал тем, что мы называем обычной жизнью.

Дворовый фасад доходного дома (ул. Гороховая, 31)

Но двор четко реагировал на общественные перемены. Во второй половине XX столетия проблемы обычных людей оставались такими же, как и в веке девятнадцатом. С

той лишь разницей, что исчезла парадная, красивая жизнь. Остались «суровые будни», «борьба», «этапы и свершения». Городская архитектура поразительно точно передает то время – однообразие унылых пятиэтажек, отсутствие дворов – некой интимной составляющей старого города, фиксация на общественном, коллективном, безликом.

Но перед упрощением жизни в СССР наш город познал ее невероятное усложнение, своеобразную эпоху расцвета начала XX столетия. Те годы подарили нам сложные архитектурные формы модерна, новый быт, яркую, горящую электрическими огнями жизнь. Новые доходные дома, сооруженные для простых горожан, казались дворцами. Двор из разряда «внутренний» перешел в разряд «парадный». В Петербурге появляются целые жилые комплексы с парадными дворами-курдонерами, ваннами с горячей водой, канализацией, телефонами, лифтами. Жизнь становится весьма разнообразной. Но возникшая на обломках

Империи советская власть максимально упрощает и саму жизнь, и ее частный случай – архитектуру. Наступает время конструктивизма – все просто, прямо и действенно.

В разговоре о петербургских дворах мы обратимся, в том числе, к истории русской литературы, а конкретно к образам Петербурга, созданным творчеством литераторов разных лет (и не только: не обойтись без упоминания конкретных адресов, где жили творцы упомянутых образов). Может показаться, что здесь нет никакой связи с основной темой наше-

го разговора. Но это не так. Петербургские дворы, особенно дворы рядовой застройки города, в наибольшей степени отражают душу города, его Genius loci живет там, как духи реки или леса.

Американский урбанист Кевин Линч определял образ города как единое целое, состоящие из путей (маршруты жизни человека), границ (все объекты этого маршрута), районов (участки, с единым началом), узлов (городские центры) и ориентиров (ключевые точки). В этой схеме петербургский двор, как часть образа города, входит в число таких элементов, как путь и граница – на самом низком, бытовом уровне. Но в более крупном плане, двор, как центр или ориентир, тоже проявляется и становится уже неотъемлемой частью общего городского ландшафта, без которого невозможно понять суть Санкт-Петербурга, увидеть его неповторимый образ.

Глава 2

Genius loci Петербурга

Писатель П. Вайль в своей книге «Гений места» отмечает: «На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность <...> Связь человека с местом его обитания – загадочна... таинственна. Ведает ею известный древним Genius loci, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с материальной средой».

В прошлом, во времена Римской империи. Genius loci выступал духом-хранителем места, и относилось это выражение к тому, что бережно хранило неповторимый уголок территории, дом, дворец или парк. Гений места для древних римлян являлся в образе змеи – все, что было в городе или деревне, охраняли Genius loci.

Гений места придавал уникальные черты, особенность тому, чему покровительствовал, что защищал.

Город, а в нашем случае Санкт-Петербург, предстает перед нами живым организмом, причем его основные части, такие как природа (в широком смысле) и здания (в каждом конкретном случае) уникальны в отдельности и в составе полиса. Река Нева неотделима от своего берега, а берег – это, если, к примеру, взять отдельный ее участок, – Стрелку Ва-

сильевского острова, в свою очередь, неотделима от Биржи, Ростральных колонн, гранитного спуска к реке и так далее, до мельчайших деталей, до булыжной мостовой или скамеек в сквере.

На Стрелке Васильевского острова проще увидеть (представить) Гения места, здесь есть возможность его персонафицировать. Может быть, он или они, если точно следовать римским верованиям, застыли в образе морских богов у подножия Ростральных колонн? Сама Стрелка, в сумме своих природных и материальных объектов выступает единым храмом для этих божеств, причем храмом (посмотрите на здание Биржи) в самом прямом смысле этого слова, и местом обитания доброго духа.

Стрелка Васильевского острова

Пройдите по дворам Капеллы. В этой небольшой части города, как нигде в другом месте можно увидеть, услышать и почувствовать гения места. Здесь – настоящий Петербург, его душа распахивается перед пытливым исследователем сразу за аркой подворотни. Но и в других частях города, других проходных дворах, дворах-колодцах, живут свои гении места, распоряжаются там территорией, охраняют от злого умысла.

Историк города Н.П. Анциферов верно подметил, что описать гения места Санкт-Петербурга невозможно. В попытках найти этот обобщенный образ божества Северной столицы многие историки и писатели сталкивались с многогранностью или многоликостью гения. Его сложность поразительна: она отражает неповторимость Петербурга, целостность его художественного облика при стилевой разности его конкретных объектов.

Первым *Genius loci* Петербурга наиболее точно показал, пожалуй, Пушкин. Величие поэтического дара позволило ему увидеть тот образ города, который более всего соответствует древнему богу, его особенностям и неповторимым чертам. Весь XIX век многие поэты и писатели шли по тому же пути, что и гениальный Пушкин, находя все новые и новые черты *Genius loci* Петербурга.

С потерей имени города в 1914 году, потерялся, а пра-

вильнее сказать, спрятался гений места. Он уходил от нас постепенно: десять долгих лет. Пока в 1924 году не исчез во-все – недаром в XX столетии тема «Петербург» практически не поднимается в русской литературе. С уходом Genius loci происходит упадок города. Перестав быть местом жизни божества, здания Ленинграда превращаются в декорации, ветшающие с каждым годом. Город теряет индивидуальность, и во второй половине XX столетия это многократно усиливается – пугающее убожество новых районов разрушающе действует на весь мегаполис.

Словно встрепелся город после возвращения ему законного имени, проснувшись от разрушающего сна. И в то же мгновение увидела это русская литература – вновь петербургская тема зазвучала в творчестве поэтов и писателей. Более того, вернулся в Санкт-Петербург Genius loci – многие поэты XXI века почувствовали это.

За последнее время о дворах Санкт-Петербурга написано больше стихов, чем за весь предыдущий период жизни города. Закономерность этого очевидна – Genius loci города раскрывает свои тайны для посвященных, а те, в свою очередь, дарят их всем остальным в неповторимой стихотворной форме.

Genius loci охраняет и копит все, что касается великого города, и лишь время дает оценку, оставляя в своем хранилище самое ценное.

*Город, исчезающий в метелях,
Город, ускользящий по льду.
Город, где едва ли мы неделю
Солнечную наберем в году.
Мрак дневной твоих дворов-колодцев
И круженье проходных дворов.
И свиданья все – на «Маяковской»,
Расставанья – у Пяти углов.
Город утонченного эстетства,
Город стильной лиговской ишпаны.
Город, убегающий, как детство.
Город, разноцветный, словно сны.*

Е. Карелина. «Петербургский романс»

Медный всадник

Завершить наше краткое обращение к истории *Genius loci* Петербурга необходимо словами об Александре Сергеевиче Пушкине – первооткрывателе божества. Образ знаменитого памятника Петру Великому на Сенатской площади – один из многих отличительных черт Петербурга, один из его *Genius loci*. В определенной мере А.С. Пушкин вдохнул «жизнь» в этот монумент, если, конечно, не считать городскую легенду 1812 года о сне майора Батурина.

Первым, конечно, был Фальконе, затем Пушкин. Но оба творца, вместе и отдельно друг от друга, показали в «Медном

всаднике» не просто строительство нового города, а неистовую борьбу за новую Россию, схватку с природой и обществом за новое государство.

*Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!*

<...>

*О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

Вот где подлинное двуединство! Медный всадник – Genius loci не только защищает город, территорию, он создает их, творит историю места, неповторимую и загадочную.

Глава 3

Застройка города. Парадный двор

Первыми необычными для России типами дворов, появившимися в Санкт-Петербурге, стали парадные дворы, украшавшие дворцовые и усадебные постройки с начала XVIII столетия. Конечно, придомовые территории вокруг частных домиков, как центра, так и петербургских окраин того времени, уже существовали в большинстве случаев, и ничего особенного в этом не было – традиция усадебных дворов, как мы помним, давняя. Но парадный двор, или курдонер, внесенный на местную болотистую почву и мастерски переработанный местными зодчими, именно в Санкт-Петербурге принял свой местный неповторимый колорит.

Во Введении упоминалось о том, что курдонер появился во Франции во второй половине XVII века и был связан с возведением роскошных дворцовых построек Парижа, Версаля и некоторых других мест. Кроме самого дворца, парадный двор всегда ограничивали два флигеля, расположенных слева и справа от главного здания, и в большинстве случаев решетка ограды, проходившей по красной линии или связывающей торцевые фасады флигелей. Как правило, курдонер находился перед главным фасадом здания, но мог быть устроен и с обратной стороны, а также со стороны любого из фасадов дворцовой постройки. В условиях городской за-

стройки, парадный двор зодчие чаще размещали перед домом.

Довольно интересное строение с обширным, но уже внутренним парадным двором находится не в Петербурге, а в Москве, хотя и связано с Петром I. Это дворец А.Д. Меншикова на Яузе, сооруженный в два этапа. В начале, в 1697–1699 годах, архитектор Д.В. Аксамитов построил для Лефорта корпус у реки, затем Меншиков, которому достался дворец, пристроил к нему два больших флигеля, замкнувших площадь перед главным фасадом, отчего и образовался двор. В Санкт-Петербурге мы, конечно, встретимся с подобным устройством внутренних парадных дворов во дворцах, и ярким примером служит здесь Зимний дворец архитектора Растрелли.

В архитектуре Петербурга отчетливо выделяются три периода строительства зданий: деревянный, мазанковый и каменный. Впервые несколько лет жизни города при возведении жилых домов и общественных зданий строители активно использовали дерево. С 1711 года к деревянным постройкам добавились мазанковые – деревянный каркас заполнялся глиной, к которой позднее добавляли кирпич. Первый каменный дом в молодом городе построил в 1710 году канцлер Г.И. Головкин, но это было тогда исключением из общих правил.

С самого начала возведения Петербурга зодчие работали над проектированием целых кварталов, застроенных типо-

выми домами. При Петре I предписывалось строить фасады домов по красной линии улицы, поэтому в то время курдонер устраивали перед загородными усадьбами, некоторые из них располагались, например, на реке Фонтанке.

Со смертью самодержца и далее в XVIII столетии требования застройки по линии тротуара власти слегка ослабили, и появилась возможность создания курдонеров уже в самом Санкт-Петербурге. В 1730-х годах упорядочиванием городской застройки и проектированием новых городских кварталов занимался архитектор Еропкин. При типе застройки города, принятом в Петербурге, двор оставался позади дома, а курдонер являлся скорее особенностью того или иного проекта.

Формирование городских улиц, в частности той «сетки», которую мы сейчас имеем в центре Петербурга, произошло в 1740-1750-х годах. Петербург стал городом нового типа, основанной на принципах регулярности и унификации всех сторон городской жизни – административной, экономической и культурной. Довольно быстро столица Российской империи стала эталоном для устройства других новых городов страны (Одесса, Екатеринослав, Рыбинск, Петровск, Пошехонье и другие) и для реконструкции уже имевшихся (Екатеринбург, Пермь и другие).

В 1763 году власти города объявили конкурс на планировку Санкт-Петербурга, а спустя два года Комиссия о Санкт-Петербургском строении отмечала в этой связи: «Все дома,

в одной улице состоящие, до самого ее пересечения в линию и не выступая крыльцами в улицу одной сплошной фасадом и вышиной построены были». Начиналось время классицизма – синтетического вида архитектуры, ставшего визитной карточкой Петербурга.

Из сохранившихся построек середины XVIII столетия выделим две с характерными для двorca типами расположения придомовых территорий: усадебным и городским. Первым назовем дворец графа Воронцова на Садовой улице с большим курдонером, сооруженный архитектором Растрелли в 1746–1755 годах. Тот же зодчий в 1750–1754 годах возводит чисто городской тип дворцовой постройки – дворец барона Строганова, со стенами, выведенными на красную линию тротуаров и с замкнутым внутренним двором квадратной формы.

Завершая главу, нужно отметить, что парадные дворы за все время существования Российской империи оставались, главным образом, особенностью именно столицы – места нахождения императора, мест проживания знати.

Глава 4

Застройка города. Проходной двор. Двор-колодец

Жилые дома, выстроенные вдоль первых улиц, имели дворы позади дома или рядом с ним – красную линию продолжала ограда участка. Довольно долго придомовые территории располагались позади зданий, но не были ограничены другими постройками – участки усадебного типа следовали один за другим. И только с началом массовой застройки доходными домами, особенно в центре, начавшейся в середине XIX века, в Санкт-Петербурге возникает новый тип городской рекреационной зоны – двор, замкнутый с четырех сторон зданиями. Такой двор получает название двора-колодца, а при наличии прохода в соседний двор или на другую улицу – проходного двора. Вход во двор делали в виде арочных проездов, а сами дворы-колодцы служили утилитарным принципам организации жизни в городе – здесь устраивали выгребные ямы домовых канализаций, складывали мусор, хранили дрова для отопления квартир, размещали подсобные помещения (сарай, кладовые) и так далее.

Проезд во двор

Арка проезда во двор

Вторая половина XIX века и начало XX столетия стали в истории петербургской рядовой застройки самым благодатным временем – доходные многоквартирные дома строились как в центре, так и на окраинах города, зодчие экспериментировали с квартальной застройкой (жилой район «Новый Петербург»¹ на Васильевском острове), перед доходными домами устраивали курдонеры.

Строительство доходных домов получило массовое развитие в Европе в 1830-1840-х годах, к нам оно пришло с небольшим опозданием. Именно с доходным домом связано появление внутренних дворов-колодцев, окруженных с четырех сторон многоэтажными постройками. Не нужно думать, что доходные дома строили только в Санкт-Петербурге. Их возводили в Москве, Одессе, Витебске, Могилеве, Ростове-на-Дону и некоторых других русских городах. Вот почему жители этих городов знакомы с таким понятием, как двор-колодец.

Но только в Петербурге эта сугубо утилитарная придомовая территория окутана неповторимой исторической аурой, обаянием *Genius loci*. Впрочем, петербургские дворы, как и погода, белые ночи, подъемные пролеты невских мостов, корабль Адмиралтейства и Медный всадник давно являются городскими символами – олицетворением бывшей импер-

¹ «Новый Петербург» – жилой комплекс, строительством которого в 1899–1912 годах занимался архитектор В.Ф. Розинский, И.А. Фомин, Э.И. Кох.

СКОЙ СТОЛИЦЫ.

Типичный петербургский двор (Пушкинская ул., 20)

С началом индустриализации жизнь большого города на протяжении веков, естественно, усложнялась. Соответственно общество, жители, приток которых в Санкт-Петербург редко ослабевал, изменяли социальную структуру полиса. Архитектура четко реагировала на подобные изменения: от дворца вельможи к началу XX века мы перешли к доходному дому, от парадного двора к дворцу-колодцу. Небольшой

отрезок времени в начале XX столетия выплеснул в городскую среду неповторимый, ранее нехарактерный для города стиль «Модерн». Но и здесь зодчие активно использовали опыт прошлых веков, соединяя, казалось бы, несоединимое – многоквартирную постройку с элементами дворцово-парковых ансамблей, и, прежде всего, с парадным двором – курдонером.

Итак, мы определили, что петербургский двор-колодец связывает нас с важнейшей эпохой из прошлой жизни города. Города развивающейся промышленности, биржевой торговли и миллионных состояний. И одновременно с этим, темных подворотен, нищенского существования и болезненного желтого цвета окружающих домов.

*Колодец петербургского двора,
где время – как стоячая вода,
В которой отражается «вчера»,
А «завтра» не наступит никогда.*

*Здесь ничего не знаешь наперед,
Не ведаешь, прихлебывая чай,
Как память за рукав тебя берет
И в прошлое уводит невзначай.*

*И только лифт грохочет, как бадья,
В колодце петербургского двора,
Выдавливая из небытия
Крупницы затонувшего «вчера».*

Лев Болдов. «Колодец петербургского двора...»

Глава 5

Сквозь века. Петербургский двор в XX и XXI веке

События 1917 года и Гражданская война прервали естественное развитие города – на некоторое время Петербург, потерявший имя и превратившийся вначале в Петроград, а затем вовсе в Ленинград, словно застыл в своем неспешном движении по реке времени. Поэт Мандельштам писал: «Как броненосец в доке, – // Россия отдыхает тяжело». Наиболее трагичен этот «отдых» оказался в столице Империи, находящейся, как и вся страна, то ли во сне, то ли уже при смерти. Но мы еще вернемся к этому «тяжелому отдыху» города, который Мандельштам сравнивал скорее со смертью, чем с жизнью.

Нельзя сказать, что город в то время (1920-е гг.) совсем не застраивался: все чаще недавние пригороды становились городом, и пример тому – знаменитый район Тракторной улицы, своеобразный город-сад для рабочих. В условиях нового времени городская среда теряет понятие старого петербургского двора, не говоря уже о парадном дворе – этом пережитке проклятого прошлого. Новая советская архитектура требовала возводить не двор-колодец, а двор-сад, что и попытались сделать архитекторы А.И. Гегелло, А.С. Николь-

ский, Г.А. Симонов и Н.Ф. Демков в 1925–1927 годах в районе Нарвской заставы. Здесь дома выстроены вдоль улиц, а открытые дворы засажены деревьями и кустарниками. На Тракторной улице, пожалуй, впервые в нашем городе, а возможно и стране, теряется понятие частной закрытой дворовой территории – никакое уединение невозможно в условиях советского государства. И если появление дворов-колодцев было вызвано экономическими причинами – высокой стоимостью земли и рациональным ее использованием под застройку для извлечения максимальной прибыли, то в Советской России эта проблема просто отсутствовала – перед архитектором стояли иные градостроительные задачи.

Но жилья в СССР строили мало – предпочтение отдавалось общественным зданиям. Здесь вновь появляются внутренние дворы – закрытая от посторонних глаз территория. Яркий пример этого – здание Администрации Кировского района, сооруженное в 1931–1935 годах архитектором Н.А. Троцким. Жизнь чиновников прятали от народа, помещали во дворах правительственных зданий.

Макет застройки района Автово. 1936 год

С усилением личной власти Сталина меняется и городская архитектура: в моде вновь имперский стиль – римское классическое наследие советские архитекторы подгоняют к социализму. Ярким примером типичной застройки в этом стиле остаются район метро «Автово», Московский проспект и Выборгская сторона – места массового строительства послевоенного времени. В большинстве случаев дворы в этих районах расположены позади зданий, являются открытыми и ограничены только соседними домами, то есть занимают иногда весь квартал. Подчеркнем – это не двор-колодец, а двор-сад. Правда, и здесь попадаются придомовые территории, полностью ограниченные с четырех сторон корпусами дома. Но и в этом случае внутренний двор не имеет ничего общего с историческим двором-колодцем центра города – он слишком большой и, скажем так, светлый. В по-

слевоенное время архитекторы стремились сохранить принцип сплошной застройки по красной линии, проектируя на внутриквартальной территории – этаком «большом дворе» спортивные объекты, здания социального назначения и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.